

Молло Франсуа Этьен

**Правила адвокатской профессии
во Франции**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф82

Ф82 **Франсуа Этьен М.**
Правила адвокатской профессии во Франции / Молло Франсуа Этьен – М.: Книга по Тре-
бованию, 2023. – 116 с.

ISBN 978-5-519-97233-8

ISBN 978-5-519-97233-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНИЕ.

„Правила адвокатской профессіи“ не представляют собою какого-либо акта, санкціонированнаго законодательною властью во Франціи. Это не болѣе какъ сборникъ традицій французской адвокатуры, составленный въ прсвосходной редакціи М. Молло. Первое изданіе его появилось въ 1842 году. Съ той поры сочиненіе Молло было настольной книгой у каждаго дѣятеля французской адвокатуры. Парижскій совѣтъ адвокатовъ долгіе годы держался прекраснаго обычая дарить каждому, допущенному къ стажу, книгу Молло. Обязательность „Правиль“ въ сословіи создавалась только по всеобщему признанію нравственной правоты и безупречности ихъ принциповъ. Сила всеобщаго признанія ихъ, при этомъ, была такъ велика, что почтеніе къ нимъ равнялось уваженію къ закону, а нарушеніе признавалось Совѣтомъ за тяжкій профессиональный проступокъ. Самъ Молло искренно желалъ, чтобы „Правила“, регламентированныя имъ, приобрѣли интернаціональное значеніе въ частяхъ, одинаково свойственныхъ всѣмъ національностямъ. Сбытчно ли это — покажетъ будущее. Но не остановиться на нихъ съ глубокимъ раздумьемъ и искреннимъ сочувствіемъ — нельзя. По скольку благородное, возвышенное, прекрасное — свойственно всѣмъ національностямъ, по столько и книга Молло составляетъ всеобщее достояніе. Въ Бельгіи правила французской адвокатуры приняты почти цѣликомъ. Въ нѣмецкой литера-

VI

турѣ имѣется полный переводъ „Правиль“ изъ книги Молло. У насъ—переведенные 43 §§ „Правиль“ вошли въ книгу г. Васьковского „Организація адвокатуры“. Полный переводъ всѣхъ правилъ съ примѣчаніями и источниками, нерѣдко полными чрезвычайнаго интереса, въ русской литературѣ впервые представляетъ собою настоящая книга. Какое значеніе мы придаемъ труду Молло для жизни русской адвокатуры и ея будущихъ судебъ—должна выразить далѣе печатаемая статья: „Отъ издателя“.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

„Мы стыдимся учиться добродѣтели,—но, клянусь небомъ, если и стыдно знать учителя добродѣтели, то нельзя же надѣяться, что мы получимъ такое благо совершенно случайно“.

„Учиться добродѣтели—значить разучиваться пороку“.

Сенека.—*Epistolae*.

Предлагаемый публичному вниманію переводъ четырехъ главъ изъ знаменитой книги М. Молло вызванъ убѣжденіемъ, что наивысшее вліяніе на состояніе общественныхъ организацій имѣютъ идеалы, ихъ одухотворяющіе, и регламентаціи, представляющія собою возможно-полное отраженіе послѣднихъ. Первые—возвышаютъ духъ, облагораживаютъ стремленія, даруютъ крѣпость силамъ среди жизненной борьбы и неизбежныхъ въ ней неудачъ и разочарованій. Вторыя—развиваютъ чувство законности, укрѣпляютъ сознаніе долга, вносятъ опредѣленность въ кругъ правъ и обязанностей дѣятелей данной соціальной группы. Наша задача съ этой именно стороны затронуть вопросъ, — особенно интересный теперь, въ виду предстоящей реорганизаціи адвокатуры, и тѣхъ формъ, въ какихъ можетъ она найти свое выраженіе. Мы думаемъ, что возможно ясная регламентація адвокатской дѣятельности, сообразованная съ началами этики, не полагающаяся только на одни личные взгляды каждаго изъ членовъ адвокатуры,—способна имѣть возраждающее значеніе для сословія. Мы не предлагаемъ въ этомъ случаѣ никакихъ копировокъ съ иностранныхъ образцовъ. Нѣтъ! у насъ есть свое прошлое. Ука-

запія же на иностранную жизнь пусть будутъ приняты лишь по столько, по сколько способны они помочь разрѣшенію спорныхъ и затруднительныхъ вопросовъ нашей жизни и возвысить наши понятія благодаря столѣтіямъ и высокой культурѣ, среди которыхъ слагались иностранные адвокатскіе регламенты. Только какъ образчикъ послѣдняго мы и предлагаемъ настоящий переводъ. Вмѣщающій его трудъ возникъ въ странѣ, справедливо считающейся колыбелью современной адвокатуры. Во Франціи занятіе адвокатурой было главнѣйшей ареной, гдѣ нашли свое выраженіе блестящія стороны французской даровитости. Въ разныя эпохи французской исторіи, то гонимая, то возвышасмая,—въ концѣ всего французская адвокатура явилась чуть не исключительнымъ кадромъ для государственныхъ дѣятелей, не разъ спасавшихъ свою родину отъ внѣшнихъ и внутреннихъ потрясеній. Въ многочисленныхъ случаяхъ дѣятели адвокатуры являлись тамъ живыми выразителями всеобщаго порыва, убѣжденія, самопожертвованія. Все это внесло много идеализацій во французскую адвокатуру и въ ея внутреннее устройство. Было бы большою ошибкой увлекаться неограниченно всѣмъ этимъ. Но взять то, что свойственно одинаково всѣмъ націямъ и являетъ собой дѣло всеобщей мудрости и возвышеннаго чувства, — намъ кажется будетъ лишь актомъ простого благоразумія.

Для объясненія—почему при предстоящей реорганизаціи русской адвокатуры мы придаемъ такое значеніе установленію ясной регламентаціи, — позволимъ себѣ привести небольшой очеркъ нашихъ взглядовъ на современное состояніе русской адвокатуры и многія предубѣжденія, быть можетъ, не вполне справедливо существующія въ отношеніи ея.

Всюду адвокатура принадлежала и принадлежитъ къ разряду свободныхъ, такъ называемыхъ либеральныхъ, профессій. Нигдѣ и никогда не дѣлалось даже и попытки превратить ее въ учрежденіе, имѣющее строго служебный характеръ и устройство. Сама природа возникновенія ея и управленія ею своихъ функцій противилась тому. Задачею ея усилій рѣдко являлось что-либо общее, отвлеченное. Въ большинствѣ она напрягала свою энергію, свои силы въ

борьбѣ за отдѣльную человѣческую личность, ея права, свободу, честь, имущество, а нерѣдко и жизнь своихъ согражданъ. Борьба совершалась передъ трибуналами на почвѣ закона и науки, расширенными цивилизаціей и гуманизмомъ до необходимости въ профессионалистахъ, а во многихъ случаяхъ и людяхъ, одаренныхъ высшими свойствами—ума, таланта, краснорѣчія. Мало гдѣ сомнѣвались въ томъ, что выборъ лучшаго или наиболѣе подходящаго изъ дѣятелей этой профессіи долженъ быть предоставленъ каждому нуждающемуся и его собственному усмотрѣнію. Всегда считали, что подобно праву выбирать врача, исповѣдника, учителя,—обществу должна быть предоставлена полнѣйшая свобода въ выборѣ и адвоката. Если нельзя никому навязать обязанностей—лѣчиться, учиться или судиться, то менѣе всего слѣдуетъ навязывать помощниковъ и руководителей этихъ требъ. Максимумъ желательнаго вмѣшательства со стороны закона,—это возможная гарантія достоинствъ въ той группѣ дѣятелей этого типа, которая рекомендуется государствомъ. Но отнюдь не установленіе монополіи, не утвержденіе, что помощникомъ въ судѣ вы можете имѣть только такого-то профессионалиста, имѣющаго установленный отъ государства патентъ.

Къ этой послѣдней группѣ, т. е. патентованной адвокатурѣ, общество должно обратиться само во имя безспорныхъ и очевидныхъ ея достоинствъ и преимуществъ. Иначе, вмѣсто помощи получится стѣсненіе, и рядомъ съ официальной адвокатурой объявится подпольная, которая, какъ и все ютящееся во мракѣ, неуловимое, наименѣе желательна. Пусть будетъ признано право публичной дѣятельности за всѣми, чьи усилія отвѣчаютъ здоровымъ потребностямъ общественной жизни.

Въ стремленіи поднять престижъ присяжной адвокатуры, сейчасъ много говорятъ объ усиленіи дисциплины. Но прежде всего да позволено будетъ спросить: дѣйствительно ли такъ низко палъ уровень современной адвокатуры, чтобы заботиться объ его подъемѣ? Изъ какихъ явленій заключаютъ о томъ?

Адвокатура, какъ учрежденіе чисто общественное, всегда стояла слишкомъ открытой для всевозможныхъ нападковъ на нее. Она не имѣла тѣхъ или другихъ, прикрытыхъ пре-

имуществами, фронтовъ. Поэтому всякій и малый недочетъ въ ея рядахъ являлся въ печати раскрашеннымъ въ ослѣпительные цвѣта, отъ которыхъ свободными стояли дѣятели иныхъ сферъ. Противъ адвокатуры злословили многіе только потому, что можно было безнаказанно дѣлать это. Однако же, мы не хотимъ этимъ возвести ее во что-либо воплѣ законченное и устраняющее всякія мысли объ улучшеніи. Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ, исчерпаемъ ранѣе поставленный вопросъ: есть ли дѣйствительные признаки паденія этой профессіи въ ея нынѣшнемъ устройствѣ или же таковыхъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ?

Паденіе всякой публичной профессіи и естественное стремленіе тогда поднять престижъ ея, по нашему разумѣнію, знаменуется явленіями такого рода: потерю въ своихъ рядахъ людей, выдающихся нравственными и умственными качествами, и охлажденіемъ общественнаго вниманія къ данной дѣятельности, когда общество начинаетъ игнорировать извѣстную общественную организацію и обходиться тѣмъ или другимъ путемъ безъ дѣятелей ея.

Каковы бы ни были отдѣльные явленія, но сказать, что въ рядахъ адвокатуры нѣтъ людей отличныхъ нравственныхъ качествъ—будетъ величайшею несправедливостью. Бѣда въ одномъ, что о каждомъ прегрѣшеніи адвокатовъ гремятъ въ кимвалы, всякое же благородное дѣло, какъ тому и быть должно, остается удѣломъ лишь участвующихъ въ немъ лицъ. И если ради одного праведника обѣщана была пощада, по Библии, цѣлому городу, то можно указать десятки именъ въ рядахъ адвокатуры, полныхъ высочайшаго нравственнаго престижа. Но всѣ они, подобно истинной добродѣтели, слишкомъ скромны. И можно жалѣть лишь о томъ, что, при сужденіи о цѣлой организаціи, дѣлающіе это отводятъ имъ черезчуръ мало своего вниманія.

Слабѣютъ ли умственные силы среди представителей адвокатской профессіи? Нужно ли подробно отвѣчать на этотъ вопросъ? Если сейчасъ смягчены крайности, яркая окраска адвокатскихъ рѣчей, то по силѣ впечатлѣнія едва ли онѣ ниже прежнихъ. Скорѣе — обратное. Скорѣе — болѣе широкая эрудиція, скорѣе большая дѣловитость передъ фразой, когда-то, въ подражаніе французской адво-

катурѣ, имѣвшей блестящій успѣхъ. Возьмите имена извѣстнѣйшихъ современныхъ корифеевъ адвокатуры и скажите съ спокойнымъ чувствомъ: можете-ли вы отказать имъ въ выдающейся силѣ ума, образованія, знанія, краснорѣчія?

Если современное гражданское правосудіе считалось и считается стоящимъ у насъ на желательной высотѣ, то, по справедливости, адвокатурѣ должна быть отведена выдающаяся роль въ этихъ успѣхахъ его. Нашъ процессъ—строго состязательный, и судья въ своихъ сужденіяхъ тѣсно ограниченъ заявленіями сторонъ, ихъ требованіями и данными, какія выдвинуть они пожелали въ защиту дѣла. Судья не имѣетъ права ни указывать, ни направлять процесса, ни требовать тѣхъ или другихъ данныхъ отъ сторонъ. Дѣло стороны самой озаботиться и выдвинуть надлежащій фактический и юридическій матеріалъ. При всемъ томъ для адвокатуры существуетъ своя невыгода въ современномъ положеніи гражданского процесса. Ея умственный, часто строго-научный трудъ всецѣло поглощается рѣшеніемъ суда, излагающаго отъ своего лица мотивы послѣдняго. Въ большинствѣ они цѣликомъ взяты изъ объясненій сторонъ. Но источникъ безслѣдно затерянъ, когда говорить отъ своего имени судъ. Для истинной оцѣнки умственного значенія адвокатуры, справедливо просмотрѣть хотя по немногимъ выдающимся дѣламъ апелляціонныя и кассаціонныя жалобы сторонъ и сообразить—сколько дали они мотивовъ для рѣшеній, послѣдовавшихъ по нимъ? Можно безъ преувеличеній сказать, что въ большинствѣ случаевъ имъ принадлежать главнѣйшіе мотивы рѣшеній.

Теперь посмотримъ, какъ общество относится къ адвокатурѣ. Трепещетъ ли оно за свои интересы? Говорить ли оно, что этому учрежденію для достаточной гарантіи вѣряемыхъ имъ интересовъ нужна полная реорганизация? Ищетъ ли оно обхода дѣятелей ея? Можно ли говорить объ упадкѣ съ этой точки зрѣнія адвокатской дѣятельности или нѣтъ? Здѣсь уже надо разбираться не по отдѣльнымъ примѣрамъ, что такой-то, имѣя общую довѣренность отъ такого-то, злоупотребилъ ею, а поглубже взрыть почву и прослѣдить, какими видами довѣрія въ большинствѣ пользуется адвокатура. Ибо, въ сущности, вѣдь это—все. Адвокатъ, по

справедливой мысли М. Молло, не отъ кого-либо другого получить свое званіе, какъ отъ перваго кліента, обратившагося къ нему и поручившаго ему свое дѣло. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, въ адвокатурѣ званіе, знакъ — дѣлъ не даютъ; это не казенная служба. Основною дѣятельности въ ней служить успѣхъ, а таковой зиждется только на довѣріи къ нравственной личности и умственнымъ силамъ адвоката. Званіе, само собой, лишь создаетъ относительныя удобства среди искусственныхъ неудобствъ, какими обставлено въ даннос время положеніе данной свободной профессіи. По идеѣ же, первоначально положенной Уставами 20 ноября въ основу адвокатской организаціи, каждому предоставлено было свободное право, кѣмъ угодно замѣщать себя въ судѣ, изъ какого угодно класса лицъ выбирать себѣ защитника или повѣреннаго. И это было вполнѣ логично. Представительство и защита касаются не какихъ-либо публичныхъ, всеобщихъ интересовъ, а чисто личныхъ, частныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, кому и и какое дѣло—почту-ли я нужнымъ ввѣрить свои интересы передъ судомъ только своему писъмоводителю или присяжному повѣренному? Нынѣ проводится другая мысль. Нынѣ думаютъ, если данное учрежденіе необходимо какъ одинъ изъ органовъ правосудія, то государство должно принять мѣры къ возможно совершенной организаціи его. Это справедливо. Но не далѣе свободнаго предоставленія пользоваться каждому данною организаціей, а отнюдь не навязыванія всѣмъ таковой. Вернемся, однако же, къ ближайшему вопросу этого отдѣла. Довольно прорегистрировать сотню выдающихся дѣлъ въ любомъ судѣ, чтобы опредѣлить современную роль адвокатуры и степень довѣрія къ ней различнѣйшихъ лицъ и учреждений. Это изслѣдованіе докажетъ, что огромное большинство повѣренныхъ акредитовано отъ своихъ довѣрителей общими довѣренностями, выраженными въ печатныхъ бланкахъ; что такіе тексты довѣренностей ввѣряютъ усмотрѣнію и добросовѣстности адвокатовъ важнѣйшіе имущественныя, а нерѣдко и личные, интересы кліентовъ. И пусть посмотрятъ: много ли случаевъ злоупотребленія ими? Нельзя о цѣломъ учрежденіи судить по отдѣльнымъ прискорбнымъ явленіямъ, оказавшимся въ немъ. Справедливо ли будетъ разрушеніе постройки изъ-за нѣсколькихъ найденныхъ гнилыми въ ней бревенъ? Не слѣдуетъ ли опредѣлить состо-

яніе остальныхъ ея частей, и, если онѣ здоровы, не правильнѣ ли замѣнить только негодныя, а не срывать всё зданіе, не разрушать здоровыхъ частей его?

Теперь всюду ведется рѣчь не о врачеваніи только порочныхъ явленій, а о врачеваніи цѣлаго учрежденія, какъ-будто оно все состоитъ изъ лицъ, злоупотребляющихъ довѣріемъ, нарушающихъ на каждомъ шагу законы профессиональной этики. Мы же думаемъ, что за основу оцѣнки должны быть приняты здоровыя стороны данной общественной организаціи. Съ признаніемъ возможности, а иногда и наличности отрицательныхъ явленій въ ней, нужно подумать о средствахъ предупрежденія и устраненія именно таковыхъ, и только—не болѣе того.

Первое, т. е. предупрежденіе, пожалуй даже важнѣе второго, и во всякомъ случаѣ дѣло возмездія и кары должно быть сообразовано съ мѣрами, установленными для предупрежденія отрицательныхъ явленій среди данной социальной организаціи.

Пусть будетъ узаконена строжайшая дисциплина, самыя тяжелыя формы ея, ибо то, что вредоносно,—позволительно отсѣкать всякими средствами! Но пусть будетъ внесена ясная регламентація, точно опредѣляющая все недозволенное, выражающая принципиальные взгляды сословія и устанавливающая кару за нарушеніе ихъ.

Многимъ нижеслѣдующія строки могутъ показаться парадоксальными. Но я попрошу въ отношеніи ихъ, на смѣну принятому взгляду, взять въ руководство дѣйствительность. Она же—такова. Какъ ни печальны отдѣльные случаи, — въ общемъ едва ли въ русской жизни существуетъ другая организація, дѣятельность которой наиболѣе регулировалась бы этическими принципами, чѣмъ адвокатура. Мы предвидимъ голоса недоумѣнія,—но просимъ только повнимательнѣе отнестись къ явленію. Пусть намъ укажутъ другую профессію, кромѣ адвокатской, гдѣ существовала бы кара, хотя бы также сословнымъ судомъ, за то, за что караютъ, и нерѣдко тяжело, въ ней. Это едва ли не единственная профессія, гдѣ существуетъ право широчайшаго и всесторонняго вмѣшательства въ каждую подробность, въ каждый шагъ профессиональной дѣятельности. Въ другихъ профессіяхъ дѣйствуетъ обыкновенно общій за-

конъ, общій принципъ: что не запрещено, то — дозволено; здѣсь же регулируется каждый поступокъ, каждая мелочь съ точки зрѣнія согласованія ея или нѣтъ съ достоинствомъ сословія, его честию и славой. Къ какой бы другой либеральной профессіи вы не обратились, вы тамъ не встрѣтите ничего подобнаго. Возьмите врача. Карается ли такъ же строго въ его дѣятельности всякій промахъ, ошибка, даже злоупотребленіе? Есть ли для того особая судилища? Нѣтъ! Максимальный отвѣтъ, налагаемый на врача, — это за злоупотребленія при лѣченіи, явныя и грубыя ошибки въ медикаментѣ, неосторожные методы лѣченія и т. п. Но система сношеній съ больными, добросовѣстность въ сношеніяхъ съ ними, безкорыстіе — это внѣ всякаго контроля. Примѣнись, быть можетъ, и справедливый принципъ: „раба сама себя бьетъ, если плохо жнетъ“. И лишь адвокатская профессія возвышена до зоркаго контроля надъ каждымъ словомъ, дѣйствіемъ, даже нерѣдко намѣреніемъ. Соизмѣрьте, гдѣ приходится быть столько осторожнымъ, столько уклончивымъ, столько обдуманымъ, какъ въ адвокатурѣ. Такого не было еще случая, чтобы упрекнули кліента въ сношеніи съ адвокатомъ за недобросовѣстность; принято думать, что кліентъ во всѣхъ случаяхъ является заблуждающимся, и лишь адвокат трактуется среди непохвальныхъ усилій ввести въ заблужденіе кліента. Намъ кажется, — нужна ясная регламентація не только обязанностей адвоката, но и правъ его. И лишь тогда умѣстною будетъ суровѣйшая изъ дисциплинъ. Сколько ни говорите: „къ чему регламентація? Держитесь принципа полнѣйшей добросовѣстности“, — но это хорошо въ бесѣдѣ, а не на полѣ дѣятельности. Развѣ не столѣтія сложили кодексъ правилъ адвокатской профессіи во Франціи? Развѣ не усилія величайшихъ умовъ, возвышеннѣйшихъ убѣжденій выступаютъ въ немъ? Нельзя требовать отъ обыкновенныхъ людей, чтобы они рождались съ этими принципами или изъ себя возрождали ихъ. Какъ общіе принципы профессіи — они, твердо установленные въ ней, должны прививаться къ отдѣльнымъ ея членамъ. Въ виду этого мы стоимъ за наиболѣе ясную и точную регламентацію адвокатской дѣятельности, за уясненіе въ законѣ, что же это за профессія и какія права и обязанности связаны съ ней. Нельзя мириться съ положеніемъ, гдѣ каждый шагъ зависитъ отъ произвола